

"Каникулы Бонифация (сборник)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Фёдор Хитрук

КАНИКУЛЫ БОНИФАЦИЯ

(сборник)

Каникулы Бонифация

Директор цирка не жалеет своей головы

В одном цирке служил лев по имени Бонифаций. Это был необыкновенный артист. Он свободно ходил по канату, прыгал через голову, жонглировал самыми разными предметами и знал ещё тысячу других фокусов.

К тому же он обладал очень сильным голосом и умел так громко рычать, что публика буквально падала навзничь. Недаром директор цирка часто ставил его в пример и говорил:

— Бонифаций — это талант!

Но Бонифация вовсе не радовал собственный успех. В жизни он был смиренный и послушный лев, совершенно не переносил шума и никак не мог понять, отчего публика так беснуется при его появлении. По правде говоря, он даже побаивался её.

Во время представления лев обычно забивался куда-нибудь в дальний угол, и, пока на ярко освещённой арене скакали лёгкие как пушинки наездницы на красивых белых лошадях, а размалёванные клоуны потешали публику разными шутками, он сидел в одиночестве, грустный и усталый, ожидая своего выхода.

mir-knigi.org

Наконец арена пустела, и служители устанавливали на ней железную решетку. И тут в цирке поднялся невообразимый шум. Все вскакивали с мест и кричали во всё горло: «Бонифаций!.. Бонифаций!!!»

Директор взъерошил Бонифацию гриву, чтобы он выглядел страшнее, и подводил его к занавесу. И каждый раз перед самым выходом Бонифаций, выглянув наружу, поджимал хвост и пятился назад.

И вот оркестр заиграл туш. Публика мгновенно стихла. С лязгом открылась железная дверь, и на арену выскочил лев! Он яростно бил хвостом, взрывал когтями песок и бросался на решётку с такой силой, что, казалось, она сейчас рухнет.

В клетку вошёл директор, дверь захлопнулась, и он остался один на один со страшным хищником.

— Але-гоп! — крикнул директор.

Бонифаций тут же присмирел.

Он рявкнул в последний раз и послушно разинул пасть.

Директор снял цилиндр и просунул голову прямо в львиную пасть!.. В зале раздался стон. Зрители в ужасе закрыли глаза. Но ничего страшного не случилось: постояв немного в этой позе, директор не спеша вытащил голову. И все облегчённо вздохнули.

— Але-гоп! — снова скомандовал директор.

Бонифаций ловко взобрался по верёвочной лестнице под самый купол цирка, где была протянута тонкая проволока. Зазвучала музыка, и Бонифаций — уже в который раз! — стал проделывать на проволоке трудные и опасные номера.

Он танцевал вальс, прыгал двойным сальто, выжимал стойку на передних лапах, вытягивался шпагатом. Публика следила за ним затаив дыхание и после каждого номера кричала: «Бис!.. Браво!!»

Под конец показывался самый главный номер программы.

...В зале погас свет. Зазвучала дробь барабана. Директор поднял пылающий обруч, отбрасывающий багровый свет на испуганных зрителей. Барабаны забили сильнее и тревожнее. Бонифаций сжался, готовясь к прыжку. Когда пламя охватило весь обруч, директор громко выкрикнул:

— Але-гоп!

Бонифаций стремительно ринулся вниз, прямо в огненное кольцо!

И цирк задрожал от грома рукоплесканий!..

Бонифацию грустно

В свободное от работы время директор цирка ходил с Бонифацием на прогулку и покупал ему бананы: Бонифаций их ужасно любил.

Однажды они увидели вереницу автобусов, в которых сидели маленькие ребяташки с сачками в руках и пели незнакомую песенку:

Пум-пирипи-пум!
Пирипи-пирипи-пум!...

— Отчего это на улице столько детей? — спросил Бонифаций. — И отчего они не в школе?

— А зачем им быть в школе, — ответил директор, попыхивая сигарой, — ведь сейчас лето, и у них каникулы.

— Каникулы? — удивился Бонифаций. — А у меня никогда не было каникул. — И ему сразу стало очень грустно.

— Но куда, скажи на милость, ты бы поехал? — спросил директор.

— Куда же ещё, как не к бабушке! — сказал Бонифаций.

Директор остановился, внимательно поглядел на Бонифация, словно увидел его в первый раз.

«Смотри-ка, — подумал директор, — а я и забыл, что у львов тоже бывают бабушки». И пошёл дальше, пыхтя сигарой.

Пройдя немного, он вдруг повернулся к Бонифацию и сказал:

— Хорошо! Ты образцовый лев, и я отпущу тебя на каникулы.

Бонифаций чуть не одурел от радости: что может быть приятнее каникул?! Он обнял директора и тут же помчался укладывать чемодан и покупать билет в Африку, а также подарок для бабушки.

Мечты о золотой рыбке

...На вокзале была обычная суета. Пассажиры и провожающие обнимались, целовались, махали на прощание платочками и, обливаясь слезами, снова бросались друг другу в объятия.

Они даже не заметили рыжего льва с сачком и чемоданами в лапах, который как угорелый носился по перрону в поисках своего вагона.

Раздался свисток паровоза. Поезд тронулся, и Бонифаций едва успел вскочить в последний вагон.

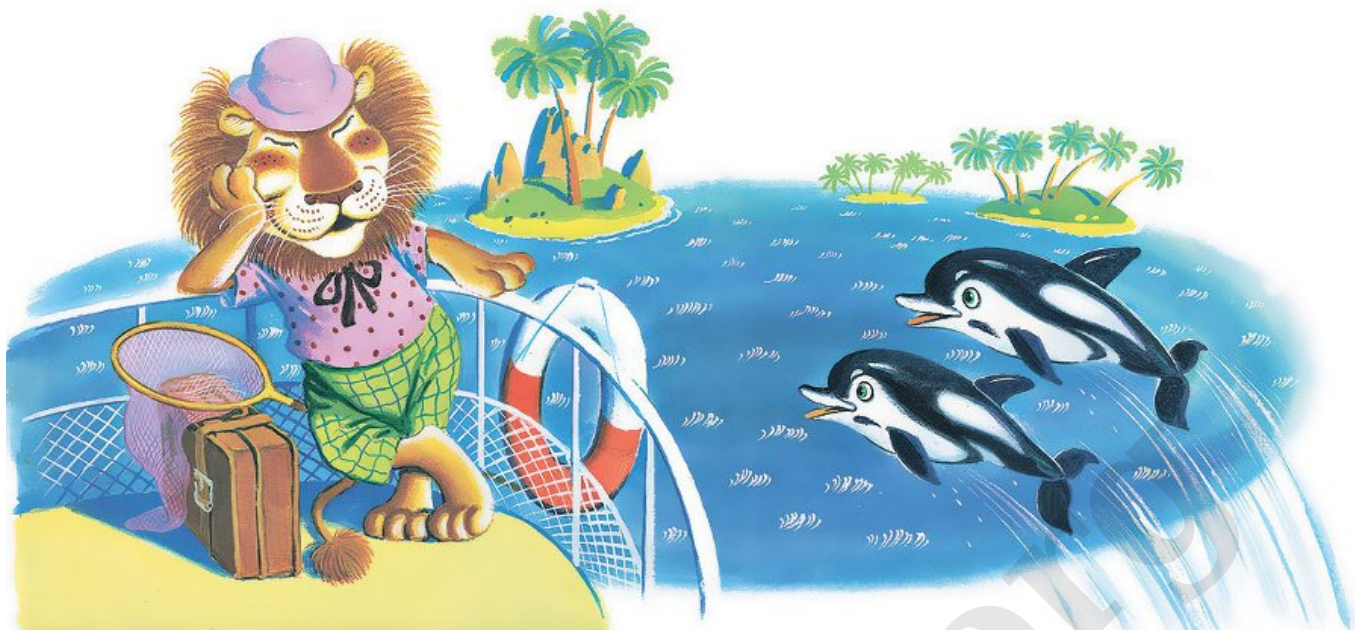
Окутанный дымом поезд мчался по полям и лесам, пересекал реки, нырял в тёмные провалы тоннелей, колёса весело отстукивали песенку, и Бонифаций тихонько подпевал:

Пум-пирипи-пум!
Пирипи-пирипи-пум!..

Наконец паровоз остановился у самого берега моря и, выпустив пар, устало вздохнул: «Пфф... ох!»

У пристани покачивался маленький парходик, готовый к отплытию. Бонифаций прыгнул на палубу, и парходик — словно он только этого и ждал — громко загудел и отправился в дальний путь...

Взбираясь на гребни волн и проваливаясь вниз, парходик медленно полз по бескрайнему океану.

На носу, примостившись на своём чемодане, сидел Бонифаций и зорко вглядывался вдаль.

Всю дорогу лев не смыкал глаз — он боялся пропустить свою остановку. А когда на горизонте показывался какой-нибудь островок, он хватал чемодан и сбегал вниз. И каждый раз убеждался, что это ещё не Африка.

Тогда, устроившись поудобнее, он подставил лицо горячему солнцу и стал мечтать о том, как будет загорать на песке, есть бананы и ловить в озере рыбу.

Больше всего на свете ему хотелось поймать маленькую золотую рыбку с длинными красными плавниками... *Вот она подплыла к нему совсем близко, тихо покачивая плавниками и переливаясь всеми цветами, он почти держал её в руках...* Но тут корабль неожиданно остановился, кто-то крикнул: «Африка, выходите!»

Бонифаций был уже дома.

Какой ты стал большой!

...Здесь всё было по-прежнему — и домик, и сад. И бабушка всё так же, как много лет назад, сидела в своей качалке и вязала на спицах.

Бонифаций тихонько подкрался к бабушке сзади и нежно прикрыл ей лапами глаза. Бабушка сразу узнала его.

— Неужто это ты, Бонифаций? — вскрикнула она и кинулась его обнимать. — Какой же ты стал большой! И где ты пропадал так долго?

Бонифаций открыл чемодан и стал показывать ей подарки. Тут был и халат, и зонтик, расшитый цветами, и тёплые домашние туфли — бабушка страдала ревматизмом.

Потом он долго рассказывал ей про цирк, про то, как он ехал на поезде и плыл на пароходе по океану.

Бабушка беспрестанно всплескивала руками и удивлялась. Ей даже не верилось, что такое бывает на свете.

Странная девочка

И вот наконец наступил долгожданный день. Первый день каникул.

Утром Бонифаций надел полосатый купальник — специально для рыбной ловли, — взял сачок и ведёрко и отправился на прогулку.

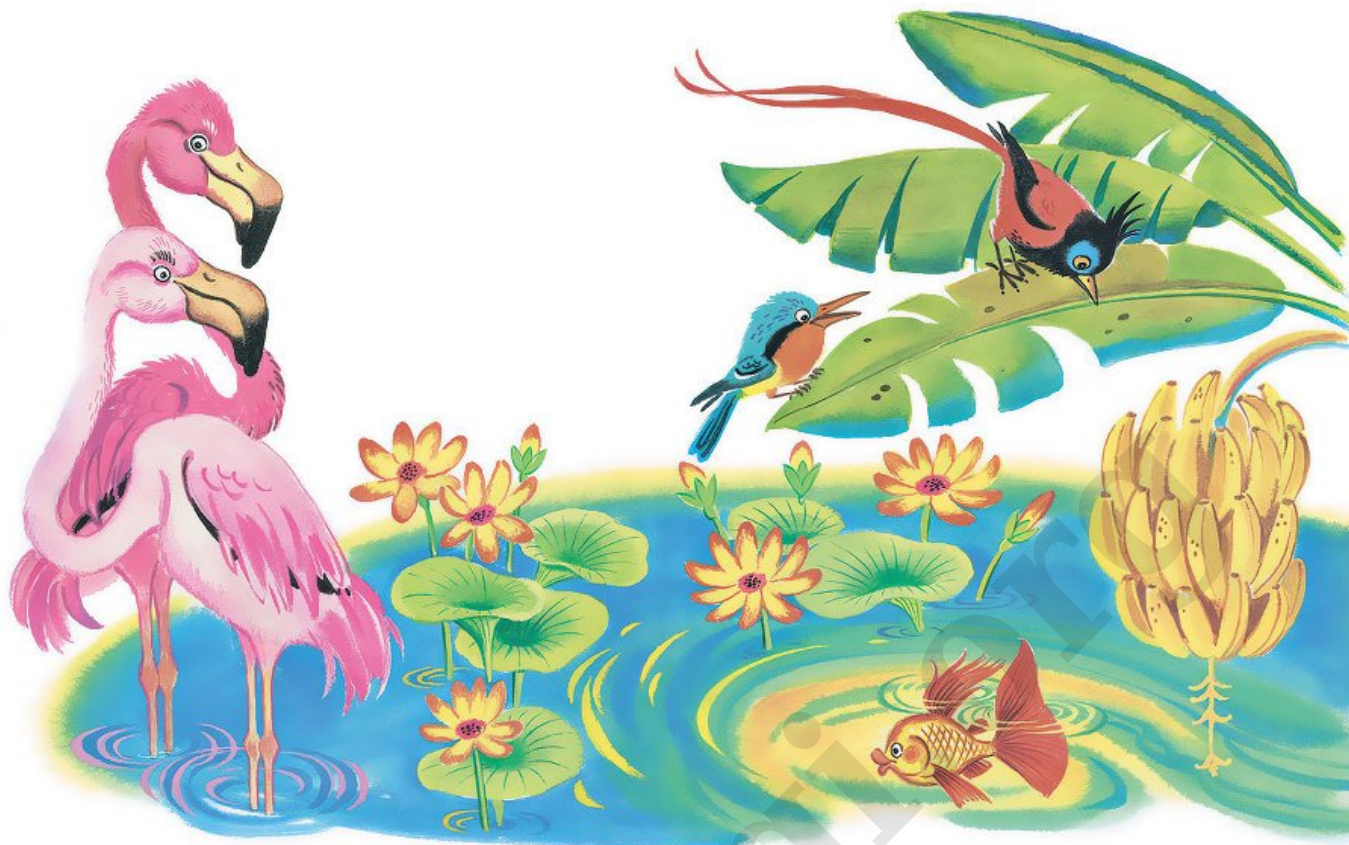
Увидев его в купальнике, бабушка снова всплеснула руками.

— Ах! — сказала она. — Этот костюм тебе очень к лицу.

Бонифаций вдохнул полной грудью утренний воздух и зашагал по дорожке, тихонько напевая про себя:

Пум-пирипи-пум!
Пирипи-пирипи-пум!..

Он вышел на пригорок, приложил козырьком лапу ко лбу и окинул взглядом окрестности.

Вдали, среди знойной пустыни, сверкало голубое озеро. Вокруг него росли банановые деревья. Ничего лучшего нельзя было себе представить!

Бонифаций вприпрыжку спустился с пригорка и поспешил к заветному озеру. Погода была прекрасная, кругом щебетали птички, порхали бабочки.

Пум-пирипи-пум!
Пирипи-пирипи-пум!.. —

пел Бонифаций, размахивая сачком и ведрком.

И вдруг... остановился. Прямо перед ним на дорожке сидела маленькая девочка и играла разноцветными камешками.

При виде льва девочка ужасно перепугалась: ей ещё не приходилось видеть львов в полосатых купальниках. Она уронила камешки и громко заплакала.

Бонифаций очень удивился — ведь дети всегда радовались при встрече с ним. И никто никогда не плакал.

Он протянул девочке лапу и сказал:

— Здравствуй, я Бонифаций!

Но девочка заплакала ещё громче.

Тогда Бонифаций подобрал с земли камешки и стал ими жонглировать. Синие, красные,

зелёные, жёлтые камешки замелькали в его лапах, сливаясь в разноцветную радугу.

Девочка перестала плакать и смотрела на льва во все глаза. Забыв про страх, она шаг за шагом приближалась к нему, пока не оказалась совсем рядом.

Бонифаций ловко поймал камешки в лапу и протянул их девочке.

Та, ни слова не говоря, схватила их и убежала. Путь был свободен. Бонифаций зашагал дальше.

Пум-пирипи-пум!

Пирипи-пирипи-пум!..

Но долго не пришлось идти: на повороте дороги перед ним снова появилась та же самая девочка. Теперь она была не одна — из-за её спины испуганно выглядывал совсем крошечный мальчуган.

mir-knigi.org

Девочка протянула камешки Бонифацию, и ему ничего не оставалось, как снова повторить свой фокус. Под конец, поймав камешки в правую лапу, он собрал их в кулак, дунул и... вытянул перед собой пустую ладонь. Потом подул на левую лапу, разжал её — все камешки были там.

Дети были поражены этим фокусом.

И опять, как в первый раз, девочка молча сгрела свои камешки, схватила малыша и исчезла.

«Странная девочка», — подумал Бонифаций и пошёл дальше.

Странная девочка и ещё четыре малыша

Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, когда Бонифаций приблизился наконец к озеру.

Над его головой свисали бананы, но сейчас ему было не до них. Бросив сачок и ведёрко, лев подбежал к самому берегу и заглянул в воду. Там, в прохладной голубизне, среди колышущихся водорослей, плавала маленькая золотая рыбка.

От радости Бонифаций чуть не упал в воду.

Кто бы мог подумать, что ему сразу так повезёт!

Осторожно, чтобы не спугнуть рыбку, он на цыпочках попятился назад — за сачком. А когда обернулся, лицо его вытянулось от удивления: перед ним снова стояла та же девочка. А с ней ещё четыре малыша.

Не дав льву опомниться, девочка сунула в его лапы разноцветные камешки, схватила за руки детей, подвела поближе и приготовилась смотреть. Бонифацию пришлось в третий раз повторить свой номер.

Он машинально подбрасывал камешки, то и дело оглядываясь назад и ужасно волнуясь, как бы

рыбка не уплыла от него.

Но дети смотрели на льва с таким радостным ожиданием, что он сам увлёкся. Камешки всё выше взлетали над его головой, они порхали в воздухе, точно разноцветные бабочки.

Закончив номер, Бонифаций быстрым движением собрал все камешки в кулак, подул на одну лапу, подул на другую... и показал пустые ладони.

Дети осмотрели его лапы со всех сторон, обшарили вокруг — камешков нигде не было.

Тогда Бонифаций поставил своё ведёрко кверху доньшком, постучал, постучал по нему, крикнул: «Але-гоп!» — и все камешки оказались под ведёрком.

Малыши не верили своим глазам. Они поочерёдно заглядывали в ведёрко, ахали и качали головами.

Лев накрыл камешки, постучал по ведёрку, таинственно посмотрел на ребят.

— Але-гоп! — Одним рывком он поднял ведёрко. Камешки снова исчезли!

Успех был полный. Дети прыгали, хлопали в ладоши и кричали:

— Ещё!.. Ещё!..

Солнце медленно клонилось к закату. А Бонифаций всё опускал и подымал ведёрко; и каждый раз камешки то появлялись, то пропадали неизвестно куда. И дети не переставали удивляться такому чуду.

В тот день Бонифацию так и не удалось поймать рыбку.

Я приехал сюда отдыхать!

На следующее утро Бонифаций снова отправился к озеру.

Пум-пирипи-пум!
Пирипи-пирипи-пум!..

Так же, как вчера, светило солнце, весело щебетали птички, и бабочки летали прямо перед его носом, точно сами просились в сачок. Но Бонифаций не обращал на них никакого внимания. Он шел, не оглядываясь по сторонам, полный решимости поймать золотую рыбку.

Пим-пирипи-пум!.. —

напевал он, проходя через заросли кустарника.

«Пирипи-пирипи-пум!» — раздалось вдруг в ответ.

Лев удивленно остановился, посмотрел по сторонам. Никого вокруг не было. Он пошел дальше и снова запел:

Пум-пирипи-пум!

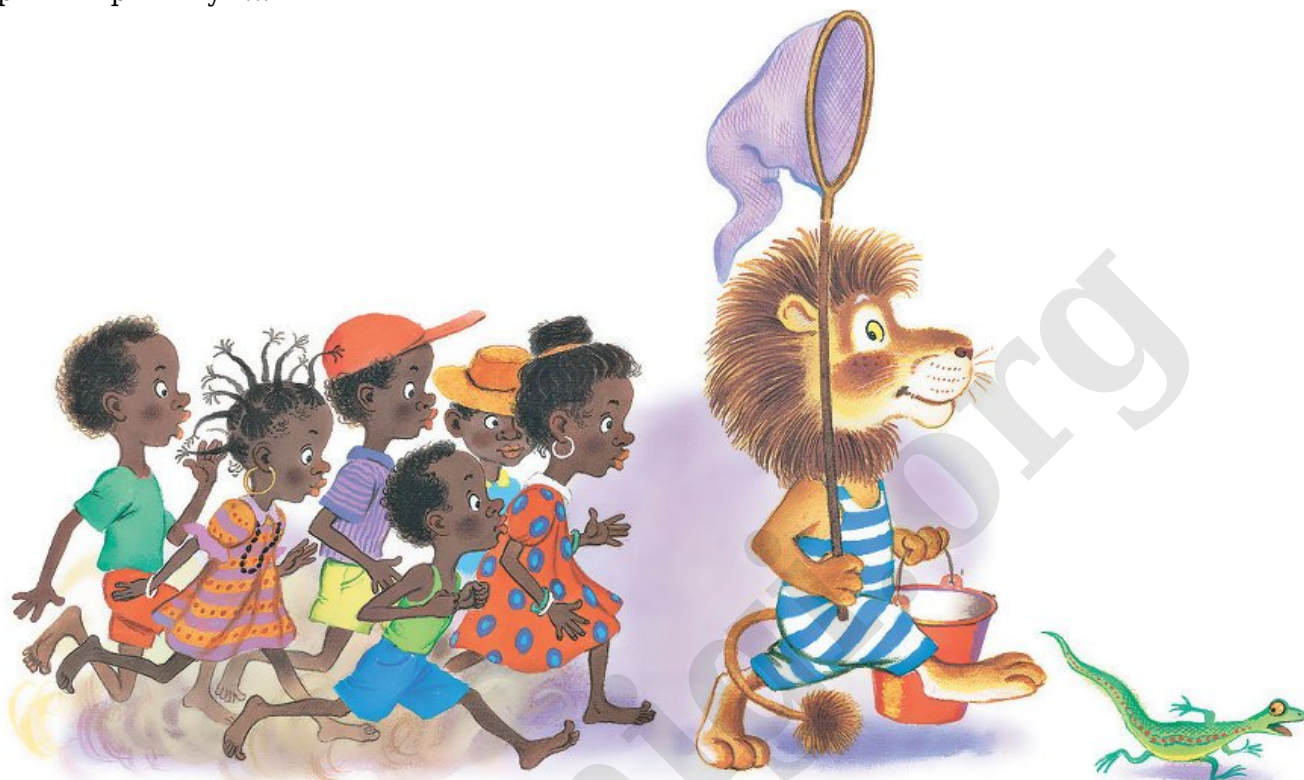
«Пирипи-пирипи-пум!..» — словно эхо, повторил невидимый хор.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Бонифаций.

Но ему некогда было раздумывать.

Прибавив шагу, он направился к озеру. И тут за его спиной снова раздалось:

Пирипи-пирипи,
Пирипи-пирипи,
Пирипи-пирипи-пум!..

Лев повернулся и обомлел: за ним бежала толпа ребятшек — их было не менее двадцати, — и впереди всех была, конечно, все та же девочка!..

Бонифаций нахмурил брови и строго взглянул на малышек. Те сразу остановились, сбившись в кучку: все они еще робели перед львом. Все, кроме девочки. Она как ни в чем не бывало подошла, заглянула в ведро, бросила туда камешек — бом! — и широко улыбнулась, ожидая нового чуда.

Но лев был непреклонен.

Пум-пирипи-пум!.. —

пел он нарочно так громко, чтобы всем было ясно, что он приехал сюда отдыхать, а не работать. У него каникулы!

Пум-пирипи-пум!..

Но — странное дело! — чем дальше он шел, тем труднее ему было двигаться; казалось, кто-то тянет его сзади.

«А ведь они, наверно, никогда не были в цирке!» — неожиданно подумал он.

Бонифаций замедлил шаг... потом остановился и оглянулся назад. Малыши стояли все там же, не осмеливаясь следовать за ним.

Лев и дети молча посмотрели друг на друга.

Но вот девочка выбежала вперед, за ней кинулись остальные, в одно мгновение они окружили льва тесным кольцом.

Представление продолжается

И Бонифаций сдался.

Он подал знак расступиться и освободить место для арены. Сейчас будет настоящее цирковое

представление.

Невидимый оркестр сыграл туш. На середину «арены» вышел Бонифаций, закрутил лапой усы — точь-в-точь, как директор цирка.

Потом сел верхом на сачок и побежал по кругу, в одно мгновение превратившись в наездницу, легко и непринужденно сидевшую в седле.

Это было очень красиво!

Сделав несколько кругов, Бонифаций разогнался, вскочил на сачок и выпрямился во весь рост.

— Але-гоп! — крикнул он сам себе, перевернулся через голову и, опустившись на сачок, поскакал, стоя на одной ноге.

Дети визжали от восторга и хлопали в ладоши — в жизни они не видели ничего подобного!

— Але-гоп! — Бонифаций на полном ходу спрыгнул на «арену», а сачок продолжал свой бег, подгоняемый громким щелканьем хлыста.

Музыка играла туш, Бонифаций кланялся, придерживая лапой край воображаемой юбочки, и посылал во все стороны воздушные поцелуи.

...Внезапно перед его глазами, словно видение, проплыла золотая рыбка, тихо покачивая плавниками и переливаясь всеми цветами...

Лев тут же остановил сачок и, шагая прямо через головы зрителей, поспешил к озеру.

Малыши тотчас вскочили и побежали широким кругом. Казалось, вслед за львом бежит весь цирк.

— Еще!.. Еще!.. — упрашивали дети.

Но лев только мотал головой: он ничего не видел и ничего не слышал.

Однако вскоре Бонифаций снова очутился в центре круга, и ему волей-неволей пришлось остановиться.

Зрители моментально сели. Представление возобновилось.

Грянул оркестр. Бонифаций объявил следующий номер, затем выгнул грудь колесом и

расставил локти — сейчас он изображал силача.

Богатырской походкой он приблизился к ведерку, взялся за дужку, повертел лапой — как бы прилаживаясь — и потянул на себя. Ведерко даже не шелохнулось. Лев шумно втянул носом воздух, как обычно делают силачи, присел и, багровея от натуги, с трудом оторвал ведерко от земли.

Качаясь из стороны в сторону, он с напряжением поднимал ведерко все выше и выше. Дети, затаив дыхание, следили за ним: они были убеждены, что вовсе не ведерко, а громадная гиря давит на льва своей тяжестью.

Когда он поднял над головой воображаемую гирю, «цирк» огласился ликующими криками. Бонифаций победно посмотрел вокруг, подбросил гирю в воздух, поймал на лету и снова подбросил... и снова поймал. А на лице его играла улыбка, словно для него такие гири — сущий пустяк.

На одно мгновение перед ним промелькнула рыбка — и гиря сразу превратилась в пустое ведерко. Бонифаций быстро подобрал сачок и с озабоченным видом зашагал дальше. Весь «цирк» встал и помчался за ним.

Бонифаций!.. Бонифаций!.. — кричали зрители.

Как лев ни крепился, он все-таки не смог устоять перед такими призывами. Зрители мгновенно уселись на землю, и представление продолжалось.

Нацепив на голову ведерко вместо колпака, Бонифаций стал носиться по «арене», спотыкаясь о собственные ноги и шлепаясь на землю. Он так уморительно показывал клоунов, что дети катались от смеха.

В этот день Бонифаций даже не дошел до озера...

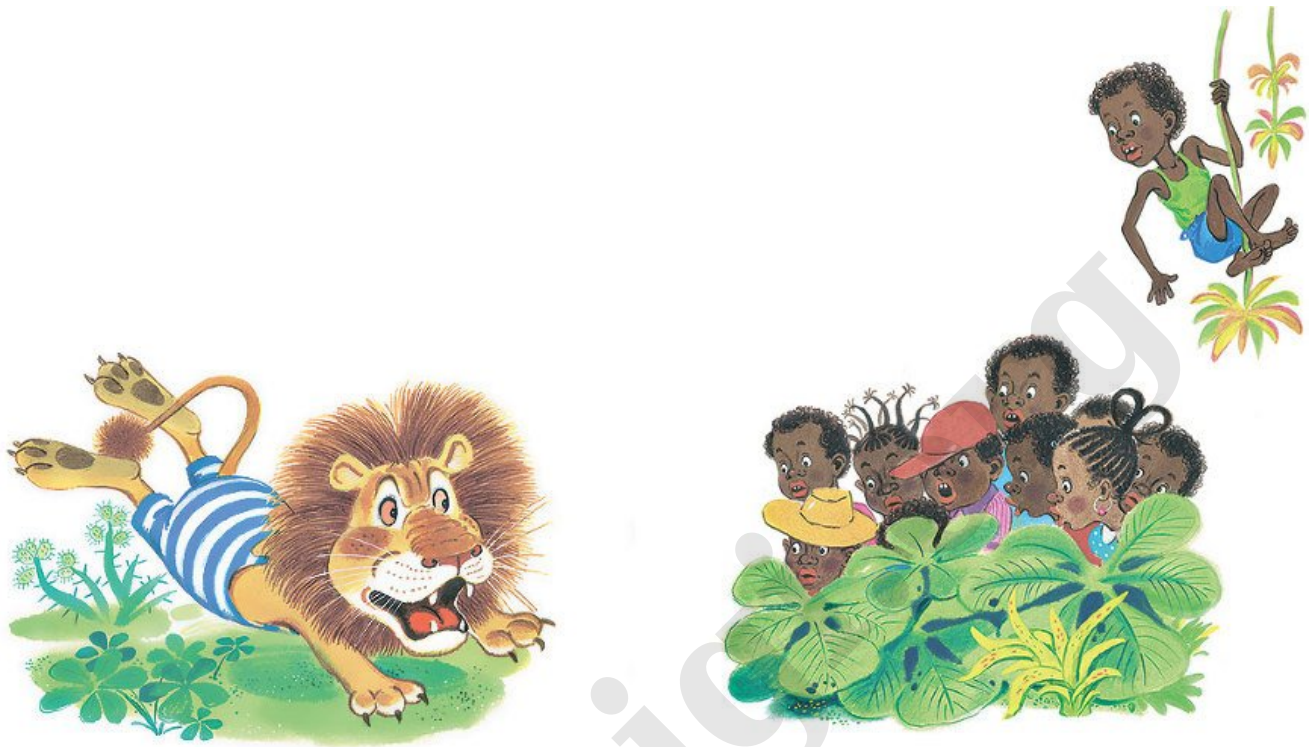

И Бонифаций забыл про бананы...

На третий день Бонифаций, снова вооружившись сачком и ведерком, вышел из дому. Но малыши ожидали его возле самой калитки; их было так много, что Бонифаций подумал; уже не

собрала ли девочка детей со всей Африки?

Как раз сегодня он решил во что бы то и стало поймать рыбку? Не мог же он уйти, если столько детей еще ни разу в жизни не побывало в цирке.

И лев решил показать им свой коронный номер. Публика всегда была от него в восторге.

Пока зрители рассаживались, он скрылся в кустах, взъерошил свою голову и, опустившись на все четыре лапы, приготовился к прыжку.

Малыши затихли в ожидании. Оркестр сыграл туш — и на «арену» выскочил разъяренный лев и оглушительно зарычал.

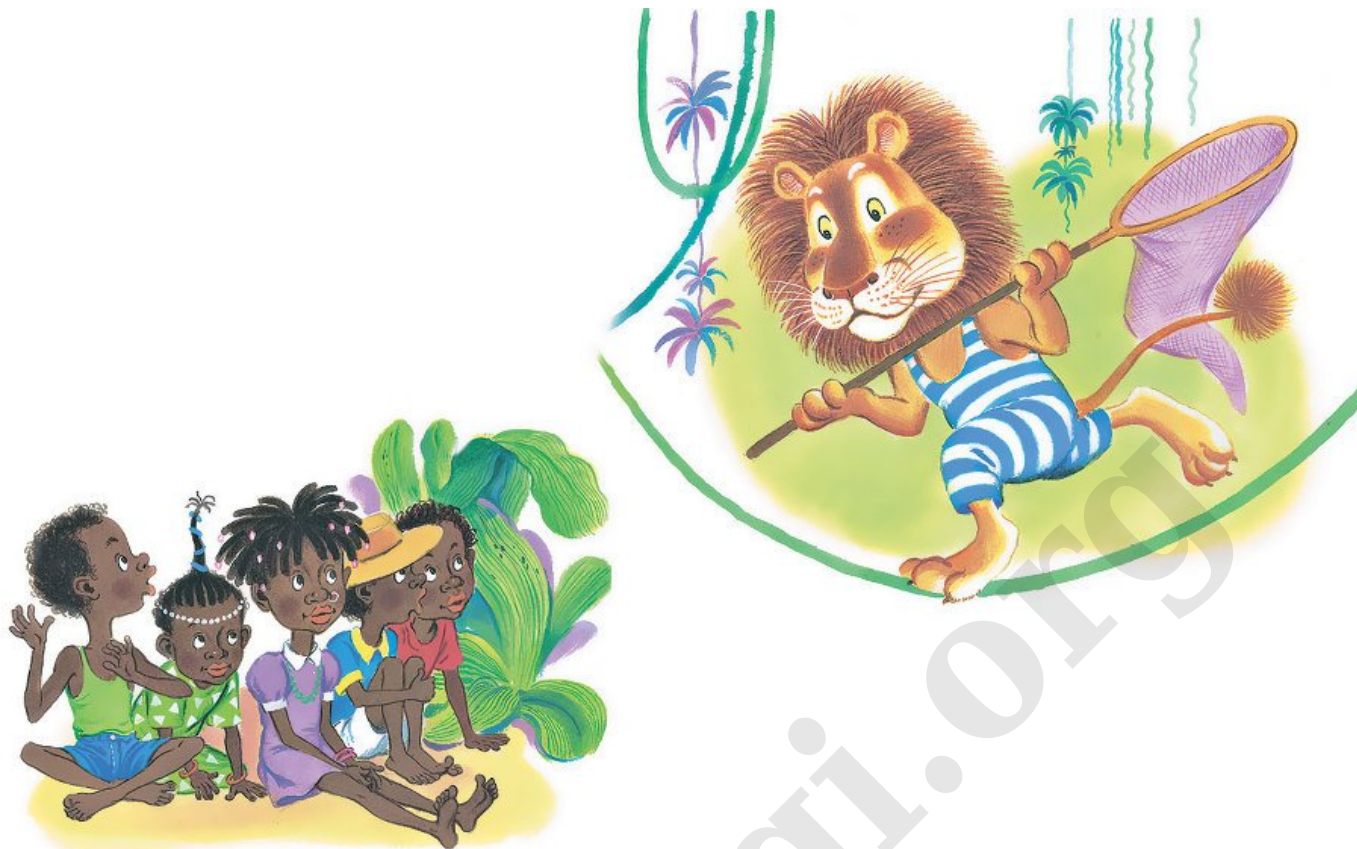
Дети с криком разбежались и попрятались кто куда.

Прорывав еще немного, Бонифаций поглядел вокруг и обнаружил, что остался совсем один.

Он стал звать детей — те не откликались.

Видимо, им этот номер совсем не понравился. Бонифаций был сильно огорчен происшедшим: он никак не ожидал такого оборота!..

Первой выглянула девочка — она была самая смелая. Убедившись, что лев совсем не опасен — напротив, он имел такой несчастный и растерянный вид, — девочка подошла к нему и погрозила пальчиком.

Бонифаций виновато заморгал. Хорошо, он больше не будет показывать страшных львов!

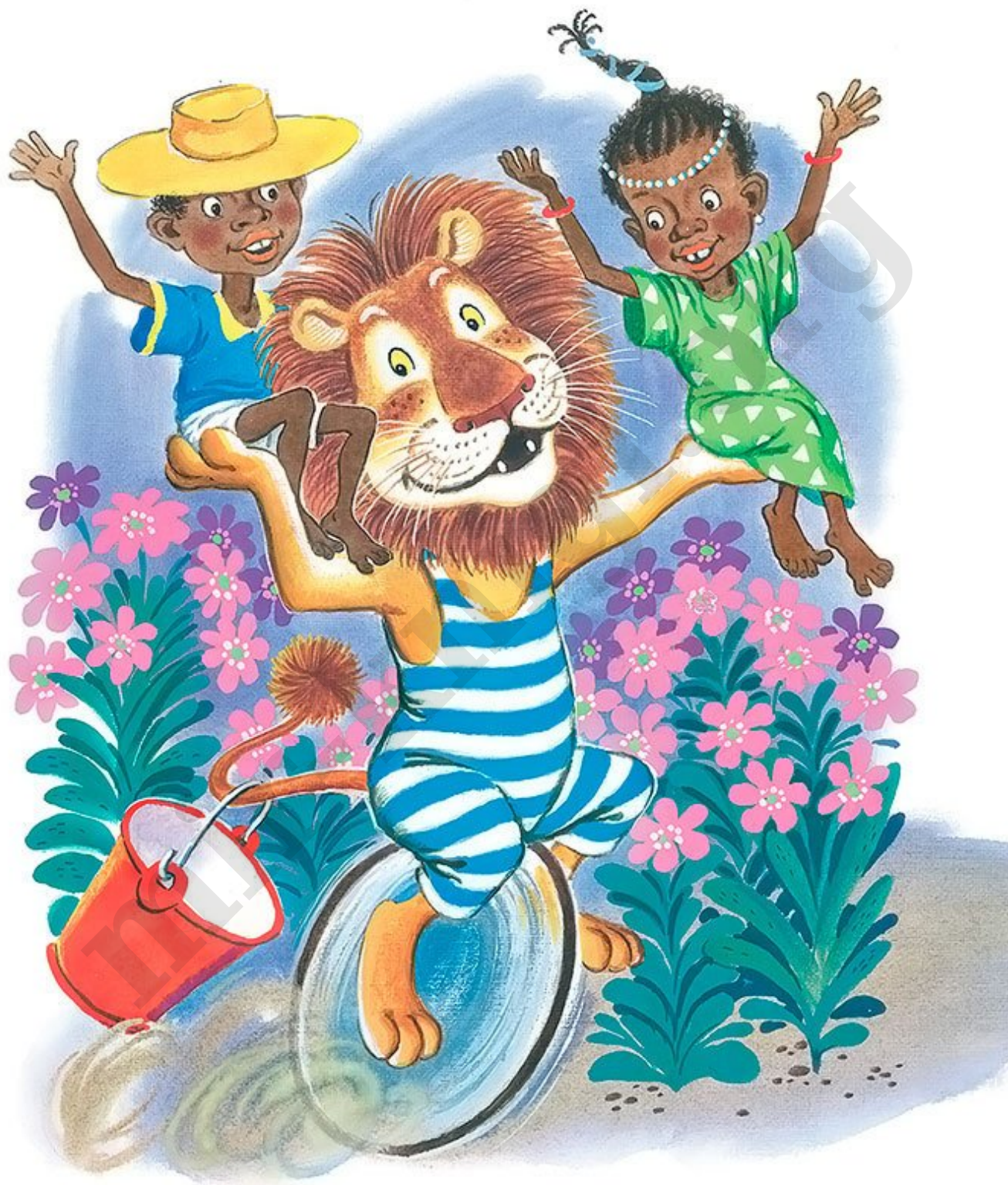
И в доказательство тут же придумал другой номер: вспрыгнул на длинную, как канат, лиану и стал ходить по ней, балансируя.

Малыши вылезли из своих укрытий и, забыв о неприятном случае, снова уселись в круг.

Дружба была восстановлена.

Бонифаций показывал чудеса ловкости. Он бегал по канату с шестом на носу, выжимал стойку на передних лапах, прыгал, танцевал. И Лица детей расплывались в счастливой улыбке.

Так прошел еще один день, за ним — другой, третий...

Бонифаций уже забыл про бананы, про озеро и даже про рыбалку.

С утра и до вечера он давал представления детям, придумывая все новые и новые номера.

Пожалуй, нигде и ни в одном цирке нельзя было увидеть таких смешных клоунов и таких искусных канатоходцев. И никто в мире не смог бы поднимать такие тяжести, скакать на лошади стоя на руках или кататься на согнутом в колесо сачке, как на настоящем велосипеде. И, конечно, нигде в мире не было таких счастливых зрителей, как эти малыши. Поэтому Бонифацию было с ними легко и весело.

Когда он приходил домой, бабушка говорила: «Ты очень поздоровел, Бонифаций. Видно, каникулы идут тебе на пользу!»

Бонифаций кивал в ответ. Он в самом деле чувствовал себя прекрасно. А время летело незаметно.

Но однажды приплыл знакомый пароходик, и Бонифаций вспомнил, что пора возвращаться в цирк. Каникулы кончились!..

Рыбка под свитером

Наскоро уложив в чемодан свой купальник и попрощавшись с бабушкой, Бонифаций помчался на пристань, где стоял пароходик.

Все дети сбежались на берег, чтобы проводить льва. Как только он взбежал на трап, они закричали: «До свидания, Бонифаций!» И лев вернулся — хотя пароходик уже сердито гудел, торопясь скорее отплыть, — и пожал каждому руку.

Кто-то крикнул: «Отдать концы!», пароходик дал последний гудок, и Бонифаций снова кинулся к трапу.

Но тут прибежала запыхавшаяся бабушка — она принесла ему теплый свитер, который вязала все лето.

Надень его, — сказала бабушка сквозь слезы, — в дороге ты можешь простудиться.

Бонифаций натянул на себя свитер, и все залюбовались — до того он был хорош!

Расцеловав бабушку, лев побежал по трапу наверх. С берега ему махали платками, он махал в ответ, и, пока дошел до края, парходик уже отчалил.

Бултых!

Бонифаций вместе с сачком и чемоданом упал в воду... Так совершенно неожиданно он искупался в первый раз за все время каникул.

Все вскрикнули и подбежали к берегу. Но страх был напрасный: с парходика уже бросили спасательный круг. Бонифаций схватился за него и вскоре оказался на палубе.

Бабушка и дети обрадовались и замахали еще сильнее. Растроганный Бонифаций смотрел на уходящий берег и тоже махал лапой.

Неожиданно он почувствовал странное щекотание: что-то прыгало и билось у него под свитером. Бонифаций ощупал себя спереди, сзади, потом засунул лапу за воротник... и вытащил маленькую рыбку — точно такую, как та, что плавала в озере.

Но теперь рыбка была ему уже не нужна. Полюбовавшись на солнце, исчезла в море. Лев помахал и ей на прощание.

Пароходик уходил все дальше и дальше, Африка становилась все меньше и меньше, а Бонифаций смотрел на берег и думал: «Какая все-таки замечательная вещь — каникулы!..»

Топтыжка

В глухом, дремучем лесу стояла избушка, снегом заваленная по самую крышу. И жила в той избушке Медведица со своим медвежонком Топтыжкой. День-деньской спала Медведица на печи — что ещё медведям зимой делать? А Топтыжке не спалось. Лежит в своей люльке, ледяные узоры в окошке разглядывает и думает: что это там такое яркое светится?

Стал он Медведицу будить:

— Пусти меня в лес погулять!

Медведица вставать не хочет, одеяло на нос натянула, ворчит:

— Где это видано, чтобы медведи зимой по лесу шатались? Спи!..

Сердитая была Медведица.

Решил тогда Топтыжка сам в лес пойти — посмотреть, что на белом свете делается. Кое-как слез с люльки, отодвинул дверной засов и выбрался наружу.

Вышел, смотрит — свет-то и вправду белее белого. Снег на солнце искрится, играет. Вот оно что за окошком светилось!

Захотелось и Топтыжке с солнцем поиграть. Потянулся он к нему, а достать не может. Пошёл медвежонок вслед за солнышком, да вместо него снегиря встретил. Тот на ветке сидит, грудку красную распушил: точь-в-точь, как солнце, только поменьше.

Топтыжка к нему:

— Слезай, вместе играть будем!

Ничего не сказал снегирь. Взмахнул крылышками и улетел.

Идёт Топтыжка дальше.

Видит — ворона на пне сидит, нахохлилась вся, скучает. Подкрался он к ней, только лапу протянул, а она:

— Кар-р-р!!

Топтыжка еле ноги унёс. От страха взобрался на тонкую рябину, затих. «Отчего это, — думает, — никто со мной играть не хочет?» А прямо перед ним алые ягоды висят, точно маленькие солнышки. Потянулся он к ягодам, дерево согнулось под ним, и повис медвежонок

вниз головой.

Вот тут и повстречался ему зверь — ни на кого не похожий. Ушами шевелит, хвостиком подрагивает, глазищами хлопает.

— Ты кто такой? — спрашивает Топтыжка.

— Я зайчик Чернохвостик. А ты кто?

— А я медведь Топтыжка.

Подумал зайчик, почесал за ухом и говорит:

— Ну, если так — слезай, дружить будем!

mir-knigi.org

Стали они на санках кататься. Сперва медвежонок зайчика покатал, потом тот медвежонка, а потом оба сели в саночки и покатали с горки, да так, что только ветер в ушах свистел. Скатились раз, скатились другой, а в третий раз саночки не выдержали и — трах! — в щепки.

Заголосил Топтыжка, очень ему жалко этих саночек стало. А Чернохвостик его утешает: «Не плачь, сейчас другую игру придумаем!» Нашёл жёрдочку, перекинул через пенёк, на один конец Топтыжку посадил, на другой сам сел. И пошло у них такое веселье, что только держись!

Вернулся Топтыжка домой, рассказывает: «Я с зайчонком подружился, уши у него — во! — и хвостиком всё так делает».

А Медведица как зарычит на него:

— Где это видано, чтобы медведи с зайцами дружили? Мы звери знатные, а они мелюзга трусливая! Не смей больше в лес ходить, с зайцем дружбу водить!

Слезла с печи, дверь на все запоры закрыла и снова спать улеглась.

Ну, а зайчишка как? Ему тоже досталось. Оттрепала его Зайчиха и говорит:

— Где это видано, чтобы зайцы с медведями дружили? Они народ грубый, неотёсанный, нас вовсе за зверей не считают. Не смей в лес ходить, с медведем дружбу водить!

И просидел Топтыжка всю зиму в избушке. Нет-нет да и глянет в окошко: может, приятель покажется? А приятель-то сам Топтыжку дожидается, но от дома отойти боится: Зайчиха не велит. Так они с тех пор и не виделись.

Пришла весна. Медведица проснулась, взяла лукошко и повела сына в лес. И попал Топтыжка на то самое место, где когда-то с зайчонком играл. Вспомнил своего приятеля, загрустил. Дай, думает, поищу его.

Вышел на крутой берег, видит — там, где снег был, бурная река разлилась, деревья с корнем вырывает, тяжёлые льдины ворочает. И плывёт по реке чей-то домик; качается на волнах, того и гляди, опрокинется. А на домике сидит Зайчиха с самоваром да с узелками, и рядом с ней — он, зайчонок Чернохвостик!

Узнал его Топтыжка, кинулся на помощь: с обрыва на берег, с берега на льдину, с льдины на брёвнышко, а с брёвнышка-то не рассчитал и — бултых! — прямо в воду.

Забыл Чернохвостик про свою беду. Соскочил с домика, прыг-скок — вмиг очутился рядом с медвежонком.

— Держись за меня! — кричит, лапу ему протягивает.

Медведица услышала крики, выбежала на берег и обомлела: барахтается в воде её медвежонок, рядом маленький зайчишка прыгает, силится вытащить его на льдину. А сзади на них другая льдина надвигается, вот-вот подомнёт под себя.

Мечется Медведица по берегу, ревет, а сделать ничего не может. Тут и Зайчиха не выдержала: бросила свой скарб, вспрыгнула на дерево, что поперёк реки легло, выждала, когда мимо

зайчонок проплыл, вытащила его за уши; а там уже они вдвоём и Топтыжку подняли. Как раз вовремя: в следующий миг льдины столкнулись, встали дыбом и с грохотом развалились.

— Ох! — только и могла вымолвить Медведица.

А Топтыжка, едва вытащили его из воды, вцепился в Чернохвостика и никуда его от себя отпускать не хочет.

Да и куда его отпускать — домик-то давно уплыл, с самоваром и со всем домашним добром.

Поняли тогда Медведица с Зайчихой, что дети разумнее их оказались. Позвала Медведица заячье семейство к себе в гости, чаем напоила и говорит:

— Что ж, Зайчиха, давай и мы с тобой подружимся! Вместе жить будем.

Теперь рядом с медвежьей бревенчатой избой стоит маленький заячий домик. Крыша у него берестяная, наличники расписные.

И стали Топтыжка с Чернохвостиком соседями.

